

Александр Грин

Сокровище африканских гор

Александр Степанович Грин

Сокровище африканских гор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055612

Аннотация

«Гордон Беннет, энергичный американец, был собственник американской газеты „Нью-йоркский глашатай“. Через два дня Стэнли сел в экстренный поезд, прибывший в Париж ночью следующего дня. Прямо с вокзала он отправился в „Гранд-Отель“ и постучал в дверь комнаты Гордона Беннета. Открылась и вновь закрылась эта ничем не замечательная дверь, но за нею в тишине уснувшего города произошел замечательный разговор двух американцев, по быстроте, сжатости и решительности напоминавший фортепианную трель в нижнем регистре...»

Содержание

I. Стэнли отправляется в глубь Африки	4
II. Стэнли и Гент	8
III. Лихорадка	16
IV. Охотники на слонов	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Степанович Грин Сокровище африканских гор

I. Стэнли отправляется в глубь Африки

16 октября 1869 года в Мадриде жильцу гостиницы «Валенсия», американскому гражданину, эсквайру, мистеру Генри Стэнли, путешественнику, корреспонденту, была вручена телеграмма:

«Приезжайте в Париж по важному делу.

Гордон Беннет».

Гордон Беннет, энергичный американец, был собственник американской газеты «Нью-йоркский глашатай».

Через два дня Стэнли сел в экстренный поезд, прибывший в Париж ночью следующего дня. Прямо с вокзала он отправился в «Гранд-Отель» и постучал в дверь комнаты Гордона Беннета.

Открылась и вновь закрылась эта ничем не замечательная

дверь, но за нею в тишине уснувшего города произошел замечательный разговор двух американцев, по быстроте, сжато и решительности напоминавший фортепианную трель в нижнем регистре.

Дело заключалось в том, что знаменитый путешественник, доктор Давид Ливингстон, уехавший в Центральную Африку в 1866 году, с 1869 года считался погибшим или же находившимся в безвыходном положении, требующим неотложной помощи.

С чрезвычайной простотой, отличающей представителей заатлантической нации, когда они решают дела, Беннет дал Стэнли поручение отыскать Ливингстона, не стесняясь издержками.

Стэнли удивился – если можно назвать удивлением некоторое сомнение в обдуманности затеи, – но, подавив это не свойственное ему чувство, выразил согласие, и тотчас они занялись практической стороной дела.

– Одна моя газета стоит больше всех капиталов Нью-Йорка, – сказал Беннет. – За расходами я не постою, но в газете должно быть все самое интересное.

И он подкрепил эту мысль рядом мелких поручений, высказанных тоном глубочайшего неуважения к размерам нашей планеты:

- 1) присутствовать при открытии Суэцкого канала;
- 2) подняться вверх по Нилу, собрав сведения о путешествии Самуила Беккера в Верхний Египет;
- 3) побывать в Иерусалиме.

ме; 4) завернуть в Константинополь для политической информации; 5) осмотреть в Крыму исторические поля битв; 6) прокатиться через Кавказ на Каспий; 7) через Персию – в Индию, а из Индии 8) отправиться разыскивать Ливингстона.

Вот скромная задача, какую на рассвете парижского утра, зевая от усталости и дымя драгоценной сигарой, Гордон Беннет предложил Генри Стэнли.

Свершив начертанный издателем круг дел, Стэнли 6 января 1871 года прибыл на остров Занзибар на палубе американского китобоя, организовал экспедицию и отправился разыскивать знаменитого путешественника.

Он составил в Занзибаре пять караванов.

Четыре были отправлены внутрь страны несколько раньше пятого, которым непосредственно руководил сам Стэнли, и с таким расчетом, чтобы они находились в расстоянии нескольких переходов друг от друга. Кроме оружия, охотничьих припасов, двух парусных ботов (на случай водного путешествия), палаток, седел, кухонной утвари и провизии, караваны эти, состоявшие из проводников туземного конвоя, носильщиков и выючных животных, были нагружены товаром для обмена по дороге на провизию. Негры несли на голове продолговатые тюки с американским холстом, синим индийским полотном, кисеей, цветной бумазеей, бусами и медной проволокой, играющей у дикарей роль монеты.

6 февраля 1871 года экспедиция прибыла в Багамойо¹.

18-го – отправился первый караван с двадцатью четырьмя носильщиками и тремя солдатами.

21-го – второй, с двадцатью восемью носильщиками, двумя надсмотрщиками и двумя солдатами.

23-го – третий, здесь было двадцать два носильщика, десять ослов, белый человек Фаркугар – моряк, повар и три конвоира.

11 марта – четвертый, из пятидесяти пяти носильщиков, двух проводников и трех конвоиров.

21 марта, в пятом караване, с двенадцатью солдатами, выступил Стэнли, взяв с собой Шау – белого, тоже моряка, портного, повара, переводчика, семнадцать ослов, двух лошадей, подарок Занзибарского султана, и собаку.

Так началась эта экваториальная одиссея, одна из удачнейших в истории изучения Африки.

¹ Порт на восточном берегу Занзибарского пролива.

II. Стэнли и Гент

Караван медленно двигался среди дикой заросли колючих кустарников. Повозка, путаясь колесами в иглистых вьюнках, часто приостанавливалась. Изнемогающие носильщики садились на свою ношу, обматывая тряпками израненные ноги. Там, где заросль становилась непроходимой, пускали в ход сталь американского топора.

Отборные проклятия оглашали пустыню. Всеобщее раздражение и усталость, вызванные этой частью пути, достигли крайнего напряжения. Но было все-таки необходимо пробиваться к недалекой полосе леса, где предполагался ночлег.

Носильщики ругали музунгу², ослов, друг друга; охали, хватаясь за животы, почти не обращая внимания на окрики главарей каравана. Солнце опускалось за лес. Туманный воздух, полный зловония от гниющих растений и тяжелого запаха от мокрых цветов, странные формы и краски которых вызывали у европейцев причудливые ощущения, был воздух тропической Африки. Наступал период дождей, страшная обильными болезнями мазика³. Весь день лил отвесный, обратительный теплый дождь; к вечеру он затих, вздув болота и покрыв размытую почву скользкими лужами, отразивши-

² Белого начальника.

³ Арабское название африканской зимы периода дождей.

ми далекие облака.

Непрерывные усилия привели измученный караван к опушке леса.

Здесь разбили палатки. Над кострами в больших котлах закипел ужин. Негры, собравшись к огням, толковали о приключениях дня, сплетничали и рассказывали наивные небывлицы о стране белых людей, откуда пришел тот, кто нанял и повел их в сердце Черной Земли.

В палатке предводителя экспедиции горела свеча, сквозь мутно освещенное полотно проступали две тени: оригиналом одной из них был Бомбэй, капитан негров, солдат. У входа сидел черный босоногий воин, напевая монотонную песню и щелкая пальцами по курку карабина.

Специальный корреспондент американской газеты, мистер Генри Стэнли, помещался у походного столика. Перед ним стояла тарелка с остатками мяса, приправленного бобами на свином сале, кофейник и горячий кофе в стакане. Стэнли курил, занося в дневник подробности последнего перехода. Бомбэй сидел на распакованном тюке, скрестив ноги и чистя старые серебряные ножны.

Это был пожилой маленький араб с мускулистым нервным лицом, хитрыми губами и глазами, отличающимся той ложной тупостью, которая искусно маскирует характер.

– Галиб Джемаль⁴ делал лекарства, господин, – говорил Бомбэй тоном упрямого повторения. – Он набрал черепов

⁴ Арабское имя путешественника Буртона.

вагензи⁵ и увез их. Из черепов он делал лекарства.

– Это глупость, – сказал Стэнли. – Ты мне мешаешь писать.

Бомбэй хитро улыбнулся, затем, помолчав, рискнул высказаться еще раз по тому же вопросу:

– Он стукнул по черепу, он ковырял в дырке...

– Бомбэй, – оборвал Стэнли, – завтра, если хочешь, я расскажу тебе о черепах Буртона⁶, но сегодня, прошу, помолчи. Сходи посмотреть, сыта ли моя лошадь, и дай Сарбоко порошок хины.

Бомбэй вышел. Некоторое время Стэнли писал, затем, положив перо, отхлебнул кофе и задумался. Множество путевых забот волновало его. В лесу слышался зловещий плач гиен, шорохи ночных птиц и те неопределенные звуки, вздохи лесных дебрей, какие своим получеловеческим-полутайнственным характером вызывают сказочные образы детства.

Было свежо. Стэнли допил кофе и, быстро приписав в тетрадь несколько строк, закрыл ее; затем, набив трубку табаком, спрятал голову в облаках дыма.

У палатки раздались быстрые шаги карангози⁷. Он вошел, степенно поклонился и доложил, что неизвестный человек, пришедший из леса, хочет видеть музунгу. Незнакомец тоже

⁵ Негров.

⁶ Собирая коллекцию черепов, Буртон прослыл колдуном.

⁷ Проводник.

белый. У него большая борода и хорошее ружье. Он сидит у костра.

– Позови его, – сказал Стэнли проводнику и, повернувшись ко входу, стал ждать.

За палаткой прозвучал неясный, короткий разговор, лицо проводника, на мгновение заглянув в палатку, скрылось, и, отведя рукой намокшее полотно, вошел человек высокого роста. Его движения выказывали проворство и силу: костюм составляли шапка из кожи красной антилопы, кожаная буйволовая куртка, сапоги и брюки из плотной белой материи. На поясе висел револьвер крупного калибра, а из-за плеча торчало прекрасное английское ружье. Сняв и поставив штуцер, неизвестный обнажил голову и поклонился свободным коротким движением.

Когда он подошел к свету свечи, Стэнли внимательно посмотрел на его лицо и, убедясь, что видит чистокровного европейца, поднялся со складного стула.

Стэнли встречал много людей, тем не менее лицо пришельца показалось ему далеко не заурядным. Длинная темная борода и усы почти скрывали суровый рот, но верхняя часть, душа лица, отличалась ясностью и точностью очертаний. Высокие ровные брови отчетливо сходились над переносьем; линия тонкого большого носа почти продолжала, в профиль, отвесную линию широкого, выражающего незаурядную душу лба, а мягкие темные глаза слегка шурились, что придавало пристальному взгляду неизвестного вырази-

тельную пытливость. Черные волосы падали спутанной гривой на воротник куртки.

– Меня зовут Гент, – просто сказал он. – Вы – мистер Стэнли! Добрый вечер!!!

Путешественник ответил приветствием и указал на стул. Оба сели. После краткого молчания Гент начал:

– Цель вашего путешествия – отыскать Ливингстона?

– Да, – сказал Стэнли. – Гордон Беннет, издатель «Нью-Йоркского глашатая», оказал мне честь скромным поручением относительно знаменитого путешественника. Я буду счастлив, если оправдаю доверие.

– У вас есть какой-нибудь план?

– Весьма неопределенный. Я направляюсь к Танганайке, где буду находиться в узле путей Ливингстона. Там мне придется его искать, расспрашивая население и торговцев. С 1866 года о нем не было никаких известий. Может быть, сделаю в тех местах большой круг, но отыщу его.

– Так, – кивнул Гент. – Но мне тоже необходимо видеть затерявшегося героя. Эти люди – герои, не так ли?

– Да, мистер Гент, это правда.

– Я прошу вас присоединить меня к своему каравану. Я хорошо изучил африканскую охоту, знаю местные условия, природу, климат, негров и могу быть вам несколько полезен, если позволите. Я неутомим и неприхотлив. Это не хвастовство, а просто словесный паспорт. Но ближе вы узнаете меня в путешествии. Что вы думаете об этом?

Стэнли положил перед Гентом трубку, табак и придвинул гостю стакан с кофе. Эти движения несколько смягчили натянутость, возникшую от предложения Гента. Стэнли был осторожен.

Наконец он заговорил:

– Корреспондент любопытен лишь в сфере специального интереса. Не любопытство, а исключительные обстоятельства моего положения дают мне право спросить вас кое о чем, мистер Гент. Сущность ваших ответов определит «за» или «против» вашего любезного предложения. Не скрою, что я нуждаюсь в верных, смелых и решительных спутниках. Все эти «бывшие спутники» Буртона и Спика, понабранные мною в Занзибаре, – порядочные жулики, а носильщиков я вынужден держать в повиновении крайней строгостью.

– Я предупрежу ваши законные вопросы подробным рассказом о себе, – ответил, закуривая Гент. – Подробным лишь в смысле точности, а не многословия.

– Да, прошу вас.

– Прекрасно. Прошу вас взглянуть на это. – Стэнли показалось, что в руке гостя вспыхнула вторая свеча. Гент протягивал ему кольцо четырехугольной формы, с круглым внутренним отверстием, сработанное из массивного золота в древневосточном вкусе. Оправа алмаза, весившего пятнадцать-двадцать каратов, была покрыта старинной резьбой. Сам алмаз был огранен неправильно, но в силу неизвестного оптического фокуса сверкал удивительно ярко: с его гра-

ней как бы сыпалась радужно сияющая пыль. Пока путешественник, безотчетно улыбаясь красоте камня, рассматривал кольцо, Гент сказал:

– Я предъявляю вам это как доказательство истинности рассказа о себе и своих намерениях. Ничто не лишнее в моем положении.

Он спрятал кольцо и вопросительно посмотрел на Стэнли.

– Говорите. Я расположен вам верить, – сказал Стэнли.

Тогда Гент начал свой рассказ. Это был полуторачасовой разговор вполголоса. Стэнли изредка задавал вопросы, неизменно получая ясный, точный ответ. Когда беседа окончилась, Гент, дымя трубкой, задумался, а лицо Стэнли светилось удивлением и симпатией.

Прошло несколько минут. Где-то заржал спутанный конь. Свеча догорала.

– Нас двадцать пять в караване, – сказал Стэнли, – вы будете двадцать шестой, Гент.

– Благодарю. Под непременно тем условием?

– Да. Согласно вашему желанию, я не упомяну о вас и вашем участии в путешествии никому – ни устно, ни письменно.

– Благодарю еще раз. Где я буду спать эту ночь?

– В палатке Шау. Завтра же вы будете снабжены отдельной палаткой. Следуйте за мной, мистер Гент!

Они вышли. В опустевшее помещение заглянул часовой «вагензи», согнулся, перебежал глазами с предмета на пред-

мет и, зажав ружье между колен, быстро глотнул из кофейника несколько глотков сладкого кофе. Затем, выщипнув из табачной пачки добрую горсть, проворно вернулся на свое место и затянул прерванную песню о ядовитой, но роскошной земле, сыном которой был.

Желая узнать, что сообщил Гент Стэнли, мы должны вернуться назад к тому времени, когда путешественник Давид Ливингстон начинал свой многолетний африканский поход.

III. Лихорадка

В 1866 году по улице Занзибара шел или, вернее, с трудом двигался белый человек лет тридцати, временами опираясь рукой о стену и присаживаясь на камни. Сквозь загар его лица проступала болезненная бледность. Рваный костюм помешал бы заметить невнимательному глазу интеллигентность прохожего. Хоть полуденное солнце давало 60° Цельсия, однако прохожий трясся в пароксизме лихорадки. Силы, видимо, оставляли его. Опустившись на землю у наглухо закрытых ворот арабского дома, больной пробормотал проклятие и лег у стены, лениво наблюдая грызню тощих собак. Затем, пошарив в кармане, он вытащил горсть хлебных крошек, пуговицу и свинцовую пломбу.

– Ни одного медяка, – пробормотал он. – Мне, правда, не до еды, но ведь так я подохну от истощения.

Мимо прошла толпа мусульманок, закутанных до глаз в полосатые покрывала, с медными кувшинами и узлами грязного белья за спиной. Промчался, зажав зубами монету, негритенок. Собаки, окончив драку, расселись и разлеглись, высунув языки. Из порта донесся гудок отплывающего в Индию парохода. Больной прикрыл глаза, и тотчас лихорадочные видения овладели им.

Он увидел кабриолет, бич кучера и массивную тень мраморного подъезда, пропускающего вышедшего из экипажа

высокого человека в белом костюме.

– Прошлое лучше, когда оно – прошлое, – в полубреду произнес лежащий.

– Вот как! Почему это? – неожиданно спросил кто-то.

Больной вздрогнул и оглянулся.

Перед ним в простом, но первоклассной работы охотничьем костюме стоял пожилой человек. В его малопривлекательном большом лице, обросшем полуседой бородой, были черты львиные, подчиненные главенству черт человеческих. Во взгляде серых пронизательных глаз было нечто останавливающее – казалось, толпа остановилась бы перед силою этого взгляда.

Больной, помедлив, сказал:

– Потому, сэр, что вам предоставляется переживать его или не переживать – это главное. Во-вторых, прошлое бес-телесно, невещественно. – Он с усилием сел, обхватив руками прыгающие колени. – Вы можете выбирать из него, как из шкатулки, полной мусора и драгоценностей, не рискуя снова испытать усталость ходьбы, разговоров; болезнь, голод и т. д. не властны над вами в этих переживаниях. В нем забывается, сглаживается многое несущественное и тяжелое; было бы хорошо, будь настоящее и будущее также очищены от балласта.

Неизвестный улыбнулся. Улыбка мгновенно изменила его лицо, оно стало приятным. Больной тоже усмехнулся.

– Люди в моем положении склонны к философии, – за-

думчиво сказал он.

– Вы больны?

– Да.

– Что с вами?

– Перемежающаяся лихорадка. Она не дает работать.

– Где вы работали?

– В порту.

– Кто вы?

– Гент.

– Это имя...

– Так. Но вам, наверное, не нужна моя биография.

– Где вы живете?

– У лавочника-туземца.

– Далеко?

– Нет, не очень.

– Мне хочется что-нибудь сделать для вас. Вставайте!

Охотник взял Гента под мышки, обнаружив незаурядную силу, и поставил на ноги, затем, поддерживая его, сказал:

– Попробуйте идти.

– Куда?

– К себе.

– Благодарю, – коротко сказал Гент.

И они пошли путаницей кривых улиц. У маленького грязного дома Гент остановился, стукнув в калитку. Немного погодя старый араб открыл ее и, покачав головой при виде Гента, жалостно чмокнул.

– Больной, очень больной, – сказал он, – глаз нехороший.

Араб, постояв, скрылся в низенькой двери, завешанной циновкой. На дворе торчала пара худосочных пальм; груды мусора по углам разили зловонием. Гент обошел дом; в его задней части была открыта каменная пристройка без двери, со входом через полукруглую нишу. В этом жалком помещении стоял деревянный стол с придвинутой к нему скамьей, за столом, у стены, помещалась дощатая постель, покрытая тростниковым матом. На столе виднелось несколько глиняных посуды, фаянсовая чашка и складной нож.

Гент тотчас лег, вытянувшись со вздохом облегчения. Гость тщательно осмотрелся и кивнул, как бы говоря сам себе: «Да, тяжелое положение»; затем, пристально взглянув на Гента и сказав: «Я скоро вернусь», – вышел.

Его отсутствие длилось минут сорок. Пока он ходил, Гент размышлял о силе человеческих встреч, следствием которых часто бывает резкий поворот жизни. В данном случае корабль судьбы Гента, по-видимому, не собирался менять курс, но эта видимость могла быть обманчивой. Не редкость, что результаты случайной встречи обнаруживаются лишь впоследствии, иногда через много лет.

Утомленный размышлением, Гент задремал, но его заставили очнуться шаги и голос вернувшегося охотника. Гент увидел, что этот странный человек развязывает большой сверток. В нем были: чай, сахар, кофе, белые сухари, сардины, гранаты, персики, жестянка сгущенного молока

и несколько бутылок содовой воды.

– Гранаты разрежьте и опустите в воду; получится хорошее кисловатое питье. Хину принимайте три раза в день по десяти гран после еды.

Охотник помолчал, пыхнув трубкой, затем без малейшей натяжки, что придало его словам непоколебимую, внушительную простоту, сказал:

– Вот, я кладу на стол пятьдесят гиней; до выздоровления вы постарайтесь удовлетворяться этой суммой. Вы спите?

– Да, – сказал Гент, – а вы – мое сновидение...

– Хорошо. Теперь рассказывайте вашу историю.

– Однако, – помедлив, возразил Гент, – простите мое желание узнать, кому я буду иметь честь рассказать эту скучную историю?

– Я – Давид Ливингстон.

Гент с нескрываемым удивлением смотрел на знаменитого путешественника.

– Если это не простое совпадение имен, – сказал он наконец, – то я, следовательно, говорю с человеком, более тридцати лет проводшим в исследовании Центральной Африки?!

– Да, да, – нетерпеливо постучав пальцами, сказал Ливингстон, – мне это порядочно надоело, но я не успокоюсь, пока не достигну цели. Давайте поговорим о вас.

Гент разрезал гранат и набил рот красными семечками, наслаждаясь их прохладной душистой кислотой.

– Не меньше, чем в этом гранате семечек, – начал он, –

было у меня когда-то, мистер Ливингстон, тысяч фунтов. Я жил один. Я одиноко стоял лицом к лицу со своим богатством; в конце концов оно надоело мне, смею уверить вас. Оно загромоздило меня поместьями, замками, фабриками и заводами. Я задыхался в роскошных джунглях вещей, мебели, редкостей, драгоценностей, золота и различных жизненных положений; увязал в тысячах развлечений, из которых, пожалуй, самым интересным было сбивание тростью придорожных репейников. Мое сознание постоянно засорялось чем-то ненужным.

Однако я иногда устраивал себе праздники, покупая билет и отправляясь в дорогу с пятью шиллингами в кармане. Таким образом время от времени я служил в железнодорожном буфете, пас овец, строил солдатскую казарму, был кочегаром на пароходе, водил по дворам обезьяну, колол дрова, торговал паяльными принадлежностями и проделывал еще многое в том же роде.

Да, как это ни покажется странным вам, я всю жизнь тяготел к дороге бродяг, к состоянию того рода, когда человек здоровый и сильный зависит лишь от себя и своих сил. Мне нравилось ставить известное расстояние между желанием и возможностью его удовлетворить. Проголодавшись, я ел хлеб с салом, запивая еду кислым вином. Изысканный обед на сытый желудок в сравнении с таким меню казался приемом лекарства. Продрав штаны, я покупал на рынке новые брюки после отчаянного торга, но мне казалось, что на мою

обнову смотрит весь город. Я умывался без мрамора и парижского мыла, в жестяном тазу, – лишь тогда, только тогда, мистер Ливингстон, я получал высшее удовольствие видеть, как от локтей до кистей сбегает в виде чернил жирная угольная копоть, освобождая тугую белую кожу мускулов. Наконец я был свободен – и в мыслях, и в движениях, и в местах.

Поэтому, когда несколько промышленных кризисов обрадовали жителей Европы возможностью покупать перочинные ножи и стальные перья на несколько копеек дешевле, а смысленные люди позаботились скупить мои векселя, эти обстоятельства заставили моего управляющего явиться ко мне с похоронным лицом. Я выслушал все, что он мог сообщить, то есть что в десять часов пятьдесят пять минут утра 9 июля 1864 года я стал нищим, и отпустил его со странным светом в душе, напоминающим впечатление от блестящего концерта.

У меня, положим, оставалось тысячи полторы фунтов, но я приобрел на них небольшую шхуну и стал возить сельди. Три месяца прошло в этом занятии, пока крутой риф в союзе с туманом не распорол внутренности моего «Гладиатора». Это происшествие вернуло сельдей их отечеству, а меня после хорошего купания заставило приютиться матросом на корабле «Кист». Затем, переходя с корабля на корабль, я побывал везде, где мне хотелось побыть, и наконец, как видите, осел в Занзибаре благодаря вывиху ноги. Лихорадка – мое позднейшее приобретение. Здесь я отдыхал некоторое

время в качестве африканского лаццарони, пока не проел последнее жалованье и не получил в придачу к своим тридцати шести градусам внутреннего тепла четыре градуса туземных. Вот все.

– Не много, но хорошо, – сказал Ливингстон. – Я приглашаю вас присоединиться к моей экспедиции.

– Я болен, мистер Ливингстон, – возразил Гент, приподнимаясь от радости, – но ваше предложение мне очень дорого.

– Наши караваны выступят через десять дней, к этому времени вы постарайтесь выздороветь. Мне хочется иметь вас. Вот мой адрес. – Он написал карандашом на визитной карточке несколько слов и подал Генту. – Я уйду. Желаю вам скорого выздоровления.

Ливингстон надел шляпу и вышел. Гент был один.

Когда затихли его мерные, тяжелые шаги, Гент взял сухарь и стал нехотя грызть, потом съел ложку консервированного молока. Затем он прикрыл глаза рукой, и, когда снял с ресниц влажные концы пальцев, его мнение о Ливингстоне было законченным.

– Это – человек, – пробормотал он, снова ложась. – Будь я профессором медицины, я выпустил бы книгу под названием «Лечение приятными впечатлениями». Право, я чувствую себя несколько лучше.

IV. Охотники на слонов

У входа в гостиницу «Замбези» дремал ручной гепард. На его нос села муха. Он сморщился и кошачьим движением лапы прогнал насекомое. Затем, пренебрежительно щурясь, ленивый хищник оставил без внимания восемь пар ног, обутых в громадные сапоги, неуклюже перешагнувших через его пестрое туловище, и облизал лапу.

Восемь пар направились к окну с видом на взморье и разместились вокруг стола. Это были охотники за слоновой костью; окончив сборы, закупив все необходимое для охотничьей экспедиции, они пришли выпить за успех предприятия.

Главным лицом компании, ее вдохновителем и вождем был худощавый старик Ван Ланд, голландец. Сутулый, с длинными ушами, жилистый и проворный, как змея, человек этот, победивший свои шестьдесят пять лет непрерывным закалом все выносящего организма, обладал выцветшими глазами; их сухой блеск напоминал блеск жаркой воздушной дали. Его седые волосы беспорядочно веяли вокруг высохшего лица, в котором ясно намечались кости черепа, обтянутые морщинистой темной кожей. Его спутники были крепкими, внушительного вида людьми различных национальностей, отличавшимися великолепным равнодушием ко всему, что не касалось охоты, вина и денег, за исключением молодого Ван Буша, человека начитанного и живого.

Разговор носил профессиональный характер. Слуга принес несколько бутылок коньяку, закуской к которому служили бананы, посыпанные мелким сахаром и облитые холодными сливками. Ван Ланд завел беседу о ценах на слоновьи клыки с торговцем, подсевшим к компании; часть охотников, стасовав колоду карт, вытащила золотые монеты; остальные ели, пили и пели.

В это время к столу подошел Гент. Его болезнь так затянулась и осложнилась, что надежда отправиться с Ливингстоном исчезла. Гент лежал в госпитале, где пробыл шесть месяцев.

Выздоровев, он провел более четырех лет в тех же или похожих на них занятиях, о которых рассказывал Ливингстону: последние полтора года служил матросом на «Неваде», большом океанском судне, плававшем от Суэца до мыса Доброй Надежды. Но Занзибару, видимо, суждено было снова играть роль в жизни Рента, так как пароход поместился здесь в доке для ремонта и команда была рассчитана.

– Господин охотник, – сказал Гент Ван Ланду, – я делаю вам и вашим товарищам предложение. Примите меня в компанию. Я охотник, как и вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.